

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Красивая женщина умирает дважды

За его любимой
начинается
охота

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы

**Красивая женщина
умирает дважды**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Красивая женщина умирает дважды / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2024 — (Спецкор отдела расследований)

ISBN 978-5-04-196675-1

Новый роман Анны и Сергея Литвиновых, известных соавторов в мире российской остросюжетной литературы, носит интригующее название «Красивая женщина умирает дважды». Он безусловно займет достойное место среди их произведений. Закрученная интрига, понятные и близкие читателю персонажи, современные проблемы — вот секрет успеха хорошего детектива за авторством Литвиновых. Следствие вновь ведут хорошие известные читателям по романам и телесериалам герои — журналист Дима Полуянов и его верная подруга, библиотекарь Надя Митрофанова. И на этот раз их ждет нечто невероятное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196675-1

© Литвиновы А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Анна и Сергей Литвиновы

Красивая женщина умирает дважды

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пики елей щетинились, подступали к самому берегу. Монахово озеро раскинулось почти в чаще, дороги к нему нет – только еле видная тропинка пробирается сквозь крапиву. Песчаный пляж узкий, вода ледяная. Но когда настроение поганое, не придумаешь лучше места, чтобы успокоить нервы.

Нинка, пока шла, вся бурлила от злости. А увидела безмятежную гладь воды – и сразу отпускать начало.

Да еще и народу совсем никого: день будний, обычным людям отдыхать некогда. А у нее законные основания – отпуск декретный.

Нина скинула платье. Потянулась сладко. Неторопливо светлые волосы в косу собрала. Пощекотала себе соски. Отставила ногу. Долго разглядывала то ли прыщ, то ли пятнышко на бедре. Потом устроилась на песочке, лицо солнцу подставила.

Хорошо, когда весь пляж тебе принадлежит!

И вдруг – как сглазила – из леса выходит мужик. Как только подкрался – ни одна веточка не хрустнула, и птицы не встревожились. Нинка смутилась, перепугалась. Схватила платье, в рукава не попадает. Дядька – немолодой уже, волосы седые – на нее вылупился. Одет как грибник, но корзинки в руках нету. Да и какие сейчас грибы – только сыроежки редкие.

Нинка прикрылась платьем, выкрикнула грозно:

– Пошел отсюда вон!

А он, наоборот, – к ней все ближе. Подходит, улыбается нехорошо. И вдруг со всей силы по щеке ударил.

Охнула, отлетела на песок.

А у мужика в руке нож. Будто сам собой появился. Размахнулся, полоснул по горлу. Не сильно, но фонтанчик маленький брызнул. Собрала последние силы, закричала отчаянно.

Надеялась: услышат, придут на помощь.

Страшный дядька тоже отстранился, вскочил.

Нинка встать не могла, голова кружилась. Но ползла почти в бессознательном состоянии прочь с пляжа. Крика уже не выходило – только шепот. «Помоги! Помоги!»

Ее накрыла тишина, даже птицы умолкли.

«Неужели ушел?!» – металось отчаянное в голове.

Доползла до камышей, попробовала встать.

И тут ее настиг новый удар.

* * *

Гаврила давно думал, как наладить эффективный и безопасный сбыт. Это в их деле самое сложное.

Крупные магазины действовали через даркнет. Кастинги проводили, поступивших быстро обучали, как сделать грамотный прикол и куда лучше магниты цеплять. Прошедших отбор активно мотивировали, чтобы крутились максимально. За изобретательность – денежные премии. Если больше двух тысяч кладов в месяц, вообще машину обещали.

Но Гаврила считал: когда большой охват, риск возрастает многократно. И норма в семьдесят «точек» в день теоретически выполнима, но на качестве работы скажется отрицательно. Каждый раз ведь надо и смекалку проявить, и оглядеться, и внешним видом своим подозрений не вызывать.

Лично он через Интернет исполнителей вообще не искал. Агентов безопасней набирать лично. В глаза посмотреть, прокачать сразу на жадность, глупость. Паспорта «пробить». И лишь потом выпускать на дело.

Идеальным кладменом в их деле считаются подростки, однако Гаврила с малолетками дела вести не любил. Ненадежный народ, безответственный. Выпить любят «для храбрости», а на пьяную голову подставиться легче легкого. Он предпочитал: пусть меньше, да лучше. И чтоб исполнитель совсем никаких подозрений не вызывал. Поэтому сеть свою сплел из сотрудников совсем нетипичных. И очень своим ноу-хау гордился.

Единственная сложность – вечные перепады настроения и капризы. Но к этому он привык. Что поделаешь: специфика особенного женского коллектива.

* * *

Надюшка редко Диму о чем-то просила.

Но если чего захотела – попробуй не исполни.

Зима в этом году выдалась тусклая, мрачная. Вместо снега – ледяной дождь, солнца нет. Вот Митрофанова и начала еще в ноябре мечтать про «настоящее новогоднее чудо».

То бишь на балет «Щелкунчик» сходить. Нет бы в демократичные «Стасик» или в Кремлевский дворец – именно в Главный театр. Еще и в праздничный вечер тридцать первого декабря.

Официальные дни продаж Дима прощелкал. Да и не настолько был готов исполнять капризы любимой, чтоб почти сутки в очереди толкаться, на переключки приходить. Вариант через спекулянтов – с переплатой в тысячу процентов – тоже сразу отменил. Многочисленные нужные знакомые охотно предлагали «Ленком», Театр наций и даже «Спартак» в Большом, но в ответ на просьбу о новогоднем «Щелкунчике» только разводили руками. А Митрофанова (капризная она стала в последнее время) грустно зудела; вот опять праздничная ночь будет такая, как в прошлом году и позапрошлом. Она даже новый вариант оливье не станет придумывать – приготовит самый простецкий, с вареной курицей.

Диме очень хотелось, чтобы в глазах у подружки зажглись счастливые искры, поэтому охотиться продолжал. Сайт Главного театра теперь всегда открытым держал – в фоновом режиме. Несколько раз в час заглядывал – и иногда шальные лишние билеты там показывались. Но мигом улетали – даже в корзину положить не успевал.

Сегодня сидел в редакции, в своем кабинетике. Кропал очередной шедевр, как добрые люди лося спасали – бестолковый вышел на тонкий лед водохранилища и провалился под воду. Текст шел трудно, со скрипом (надоела уже до смерти беззубая журналистика). То и дело отвлекался, открывал театральный сайт – не зажжется ли вместо унылого «билетов нет» заветная синяя плашечка с надписью «Выбрать места»?

В пять вечера удалось выловить два кресла на третьем ярусе. Но едва схватил паспорт вбивать данные (билеты строго именные) – в корзине уже пусто. Спекулянты перехватили.

Ладно. Сам виноват. Надо было предусмотреть.

Выписал номер своего и Надькиного документа на отдельный листок, положил рядом с компьютером. Продолжил живописать, как сохатого и едой приманивали, и ремнями тянули. Параллельно думал над заголовком (в голове пока что вертелась абсолютно идиотская фраза: «Милый лось, топиться брось»). Даже воевать с сайтом Главного театра и то казалось интереснее.

В шесть вечера экран снова радостно подмигнул: билеты в продаже! Яростно кликнул на «купить» – и вдруг из коридора вопль:

– Дмитрий!

Голос отчаянный, женский. Топот ног, возня. Мужской неразборчивый бубнеж.

В любой иной ситуации мигом бы выскочил посмотреть, в чем дело. Но сейчас не шелохнулся. Вбил данные паспортов, нажал «оплатить». Ура – открылась платежная страница. Значит, билеты по-прежнему в корзине. Руки подрагивали – это надо настолько разволноваться из-за театра!

Ввел данные карты, выдохнул – заказ оплачен. Партер, седьмой ряд, середина. А в коридоре по-прежнему суeta. Женский голос молит, мужик в ответ отвечает агрессивно. Прежде чем выглянуть, Дима убедился: билеты реально у него, пришли на электронную почту.

Лишь тогда он открыл дверь. Батюшки! Охранник (бестолковый бугай, что вход в редакцию охраняет) по коридору женщину волочет. Та упирается, пытается пнуть, укусить. Зрителей никого – в предпраздничный день сотрудники на работе не задерживаются.

Женщина углядела его, узнала, воспрянула:

– Дмитрий! Спасите меня!

– В чем дело? – кинулся он к охраннику.

– Да охренела совсем! – пропыхтел тот. – К тебе рвалась, я не пустил. Так она под турникетом пролезла. Сейчас ее в полицию сдам!

– Чего мне-то не позвонил? – нахмурился Дима.

– Так набирал сто раз! И я, и она!

Только сейчас Полуянов вспомнил: сам и выдернул служебный аппарат из розетки, чтоб не мешали работать над текстом. А главное, охотиться на билеты.

– Отпусти ее, – велел охраннику.

Некрасиво получилось. Женщина в возрасте, на вид не сумасшедшая. И глаза заплаканы.

– Приношу свои извинения, – произнес он виновато. На ретивого служителя цыкнул: – Сгинь!

– Мне ее паспортные данные нужны!

– Скажу тебе потом.

Провел посетительницу в кабинет. Быстренько закрыл сайт театра (билетами там уже и не пахло). Предложил:

– Чаю? Кофе?

– Ничего мне не надо, – всхлипнула женщина и сложила руки в умоляющем жесте, – я за шестьсот километров к вам приехала. Горе у меня. Помочь некому. Вы – последняя надежда.

* * *

Соседи ее сына с детства прикладывали: шизанутый. Вел себя мальчик, и правда, не как другие дети. Обычные-то озоровали, яблоки тырили по соседским дворам. А Паша лет с пяти всюду таскался с фотоаппаратом. Тогда у них еще старенькая «мыльница» была, и к любым праздникам сынок просил лишь одно: купить ему побольше фотопленки. Поначалу в кадр попадало стандартное: закаты, интерьеры, коты, собаки. Случайные прохожие, детишки из их поселка. Она сама. Но щелкать все подряд очень скоро перестал. Тратил по много кадров, чтоб передать одиночество израненного кленового листка на осеннем ветру. Или печаль в глазах у соседки – старухи, что пережила войну и сейчас тяжело болела.

Елену Юрьевну настораживало: почему сына тянет к *грустному*? Мальчик и сказки не любил – предпочитал страшилки о мертвецах или ведьмах. На детских праздниках никогда в общей толпе не веселился, забивался в уголок, сидел в одиночестве.

Она даже к психиатру в райцентр ребенка таскала, но врач (меланхоличный пожилой дядька) принял сторону Павла. Сказал назидательно:

– С головой у него все в порядке. А по поводу творческих предпочтений я так скажу: счастье – оно всегда одинаковое и глупое. Зато в горе – много неожиданных, ярких граней. Так что пусть фотографирует, что хочет, не подрезайте ребенку крылья.

Мальчик рос, продолжал увлекаться фотографией, и оптимизма в его работах не прибавлялось. То на кладбище с фотоаппаратом болтается, то на руинах соседского сгоревшего дома. Снимает в деталях покосившийся могильный крест или почернелую балку.

Елена Юрьевна пыталась сына переубедить:

– Кому твоя тоска нужна? Фотограф людей радовать должен!

Но Паша только отмахивался:

– А я на свадьбах снимать не хочу.

Поступил в институт (самый простой – только чтобы в армию не забрали) и продолжал все свободное время тратить на поиски трагических ракурсов.

Мрачные его снимки, вопреки прогнозам мамы, имели определенный успех. В социальных сетях – изрядно подписчиков, цикл «После аварии» премию получил. И клиенты появились. Паша оборудовал в доме студию, и туда частенько являлись ярко накрашенные девицы. Для них он делал красивые студийные снимки. Но фотографировать за деньги ему не слишком нравилось. Куда более счастливым выглядел, когда приводил в дом моделей, несомненно, бесплатных – жутких бомжих. Одноногую цыганку. Бедно одетую толстуху, всю в пятнах вителиго.

Елена Юрьевна асоциальных гостей не выгоняла, но всегда была начеку: чтоб из студии ни ногой и ничего стырить не попробовали. Как сын из дома – обязательно в фотографической комнате тщательная уборка с хлоркой.

В начале лета Пашка привел в дом совсем девчонку. Тощая, как олененок, глаза голодные. Да еще беременная.

Елена Юрьевна с неприятными моделями сына старалась не общаться, но тут не удержалась. Когда столкнулись во дворе, спросила строго:

– Сколько лет тебе?

– Семнадцать! – пропищала та.

– А беременна от кого?

– Та не знаю, – отозвалась беспечно. – Я с двоими встречалась. Только оба сбежали все равно!

Звали юную гуляку, как ее саму – Леной. И в отличие от разовых гостей она в их дом зачастила. Пашка (мать подглядывала) в каком только виде ее не снимал! В алом покрывале. С руками связанными. Или вовсе голую.

– Ты, что ли, влюблен? – пыталась мать.

Сын усмехался:

– С ума сошла? Ленка просто очень фотогенична.

Елена Юрьевна стала по своим каналам справки наводить и выяснила: девчонка из соседнего поселка, Грушевки. Семья неблагополучная: отец в тюрьме, мать пьет. Но больше всего беспокоило: обычно-то модели единственный раз в их доме появлялись, а потом исчезали навсегда. А Ленка чуть ни каждый день заходила. Да еще, нахалка эдакая, пыталась в их жизни участвовать. То сорняки возьмется пропалывать, то Пашку уговорила вешалку в коридоре переставить.

– Не от тебя ли она беременная? – спросила однажды Елена Юрьевна.

Сын поперхнулся:

– Матушка! Не путайте, пожалуйста, сексуальную привлекательность и творческий интерес.

Елена Юрьевна, и правда, сколько ни присматривалась, никогда не замечала, чтоб ворковал с юной гостьей или хотя бы обнял. На ночь девица в их доме тоже не оставалась. Приезжала всегда днем (когда лучше свет). И домой (даже если заканчивали съемки в сумерках) Паша сроду ее не провожал – Ленка топала в свою Грушевку одна через лесок в любую погоду.

Однажды (мать подслушала) юница взялась ее сыночка жизни учить. Слова говорила, в принципе, правильные. С его талантом, мол, огромную денюгу можно зашибать, а он, дурак, на глупости время тратит. Если она сама подобные разговоры заводила, Пашка сходу обрывал. Но Ленке взялся объяснять, да как по-глупому! Миссионер он, вот как. Ты, мол, своей красоты не видишь, а я ее всем показать пытаюсь.

Ясное дело, девица в его словах совсем другое услышала, и Пашу с удвоенной энергией обхаживать начала. Юбки еще короче, взгляды все более соблазнительные. Пирожков самолепных кривобоких притащила (Елена Юрьевна их собаке отдала).

– Не покупайся! – убеждала она сына.

Пашка заверял:

– Не бойсь. Я просто ее наблюдаю. Как забавную зверушку.

Соседи, впрочем, другое видели. Маркеловна из дома напротив даже предрекла:

– Смотри: будешь дите чужое, нагулянное растить.

Но до счастливой (да и вообще никакой) семейной жизни дело не дошло.

Солнечным осенним вечером двадцать третьего сентября Ленка тщетно попыталась набиться на ужин, однако Паша отправил ее домой.

А утром в леске, чуть в стороне от дороги на Грушевку, нашли ее истерзанное тело. Двадцать пять ножевых.

В убийстве обвинили Пашку.

* * *

Подумать только: мать того самого Климентьева!

Дима о деле фотографа из поселка Боровое Брянской области знал.

Было оно на слуху благодаря бывшей его практикантке, Ксюше Кременской из газеты «ХХL». Прочие средства массовой информации про убийство скромно в криминальной хронике упомянули, а Ксюша подняла дикий хайп. И на всю страну объявила Павла маньяком.

Недальновидные коллеги, а за ними и блогеры громкую версию с удовольствием поддержали. Хотя маньяк – это всегда серия, а убийство случилось одно.

Но Ксюша под свои обвинения постаралась – как могла – подвести научную базу.

Съездила в поселок Боровое, где жил Климентьев. Покрутилась вокруг дома, поболтала с соседями и громыхнула в своей газетенке версией: *предположительно* (любимое ее словечко, ибо убедительных доказательств девушка представить никогда не могла) жертв Павла было больше.

Поселок маленький – любой, кто из рамок выбивается, здесь словно для быка красная тряпка. Местные горячо осуждали страсть Павла приглашать для съемок асоциальных личностей. Видно, и пустил кто-то слух, будто он своих моделей после фотосессии убивает. Кто, мол, станет искать цыганку или бомжа? А у Климентьевых свой дом, огород, тела можно там закопать.

Ксюша версию с удовольствием растиражировала.

Статья ее собрала массу комментариев. Никаких новых обвинений Павлу, впрочем, не предъявили. Действительно, глупость: трупы на собственном участке прятать.

Горе-журналистка выждала: не подадут ли Климентьев или его родственники в суд за клевету? А когда иска не последовало и хайп слегка утих, разразилась новой теорией: Павел, оказывается, не просто бомжей убивал, а исключительно беременных, не устроенных в жизни

женщин. Причем охотился за ними по всей стране. Так что следствию обязательно надо проверить его причастность к подобным преступлениям.

И снова – тысячи просмотров, лайки и гневное, горячее обсуждение. А Пашина семья опять промолчала.

«Не до того нам было», – сказала Диме несчастная мать.

Полуянов с нынешними своими практикантами дело Климентьева разбирал. Историю криминалистики рассказывал. Маньяков в мире действительно немало, но среди множества серийных убийц по всей планете не имелось ни одного, кто в жертвы выбирал исключительно беременных.

Дама в положении редко бывает предметом вожделения. Да и будущая мать обычно неприкосновенна – даже для человека с извращенной психикой.

Да, беременных иногда убивают, но – в запале, из ревности. Или (если совсем отморозки) из корыстных побуждений.

По версии следствия, Климентьев тоже убил в запале ссоры. В его собственноручно написанном признании значилось: *«Елена стала кричать, что напишет заявление. Обвинит меня в том, что я ее бил, принуждал к сожительству. Говорила, что я ничтожество, она меня ненавидит. На меня накатила ярость, я ударил ее один раз, а потом ничего не помню. Когда пришел в себя, понял, что она мертва. Испугался и решил спрятать тело».*

Мать осужденного утверждала: признание сын написал под жестким давлением.

– В полиции его били, спать не давали. Но Пашенька держался. А потом ему пригрозили: что меня убьют, дом сожгут, если признание не подпишет. Тогда он и сдался...

– Какие-то еще доказательства у следствия имелись?

– Волокна ее одежды на его джинсах. Но это ерунда, Ленка ведь у нас дома бывала, они общались. А самое главное: в лесу его видели. Примерно в то время, когда девушку убили.

– Он там действительно был?

– Да, – тяжело вздохнула мать. И убежденно добавила: – Подставили Пашеньку! Подло подставили!

* * *

Ленку Павел никогда не провожал – много чести. Тем вечером вообще еле дождался, пока уйдет. Права мать: *слишком много* ее стало. Да и он зря нарушил принцип, что модель нужно снимать единственный раз. Но Ленка, зараза, фактурная оказалась, фотогеничная. Все его замыслы принимала с восторгом, гонорара, как иные ушлые бомжи, не требовала. На смешные ее попытки пококотничать, к себе привязать внимания не обращал. Где она и где он? Не рассчитывает ведь всерьез, что свою жизнь с ней свяжет?

Тем вечером Ленка в очередной раз попыталась навязать им за ужином свое общество, но приглашения не дождалась и ушла, как обычно, примерно в семь пятнадцать. А без двадцати восемь, когда покончили с едой и мать отправилась на кухню заваривать чай, от нее сообщение:

«Паша, мне плохо! Голова очень кружится! Идти вообще не могу!»

Он про себя чертыхнулся – с какой стати должен решать чужие проблемы?

Но уже начало смеркаться. От Борового до Грушевки через лес – четыре километра. И обратиться Ленке больше не к кому. Подружек не имела, мамаше тоже не до нее.

Набрал номер – не отвечает. Вот дура-то!

Отпечатал:

«Ты где?»

«На поляне! У трех дубов!» – прилетело сообщение.

«Чего трубку не берешь?»

«Звонки срываются».

Место знал – примерно на полпути. Лес там как раз расступался, и мобильная связь ловила, но плохо.

«Вызывай «Скорую».

«Не поедут они!»

Это да. На весь район три машины, да и чтоб по лесу проехать, внедорожник нужен.

А Ленка нагнетает:

«Мне прямо совсем плохо, все качается и в груди давит. Пожалуйста! Помогите!»

Ну, нельзя совсем сволочью быть. Чая ждать не стал, сорвался. Матери ничего не сказал – она и без того Ленку терпеть не может. До поляны быстрым шагом добрался за двадцать минут. По пути встретил соседку, Маркеловну. Та со стороны Грушевки топала. Поздоровались. Он еще спросил:

– Вы Ленку у трех дубов не видели?

Старуха округлила глаза:

– Нет! А че вы там-то встречаетесь?

Объяснять ничего не стал.

Ленки на поляне действительно не оказалось. Достал телефон, позвонил – абонент не в сети. Не дождалась его? Отправилась домой? Но тогда б Маркеловна доложила, что по пути ее встретила.

О страшном даже не помыслил. Наоборот: злость накатила. Издевается, что ли, девица? Вызвала в лес, а потом сбежала? Может, дойти до Грушевки и высказать все, что думает? Но осознал: даже не знает, где она там живет. А выяснять, прохожих расспрашивать – много чести.

Развернулся, пошел домой. Ленкин номер, впрочем, несколько раз за вечер набирал – аппарат оставался выключен. Будь действительно любимая женщина, стал бы волноваться, искать, в больницу звонить. Но Ленка для него всего лишь хорошая фотомодель. Поэтому выкинул из головы и спокойно лег спать.

А уже утром за ним пришли.

* * *

Ленкин плохонький телефончик нашли при ней и, конечно, сразу обратили внимание на переписку с Павлом. А также на его неотвеченные вызовы – последний он сделал в районе десяти вечера.

У фотографа потребовали объяснений. Он рассказал, как было. Оперативники, следовательно напирали:

– И вы не забеспокоились? Не попытались узнать, что с ней случилось? Не попробовали ее найти?

Парень отбивался:

– Да с какой стати? Она мне не девушка, никто. Помочь попросила – я пошел. А когда ее на поляне не оказалось – разозлился только. Решил: разыгрывает.

– Молодая женщина попросила у вас помощи. На закате в глухом лесу. Вы ее не нашли – и спокойно отправились спать?

– Я думал, дурака валяет!

Время смерти с точностью до минуты установить невозможно, но, по заключению экспертов, убили Елену, вероятней всего, в промежутке с 19.40 до 20.20.

Место, где конкретно она погибла, обнаружить не смогли.

Труп, слегка присыпанный еловыми ветками, нашли в неглубоком овражке – примерно на полпути в Грушевку, в двухстах метрах от поляны.

Адвокат полагал: Елена действительно звала Павла на помощь. Но пока он шел, встретила на поляне кого-то. Доверилась ему. И отправилась с ним – навстречу гибели.

Сам Климентьев считал по-другому. И даже пытался следователя убедить: Ленка – девчонка еле грамотная, девять классов с трудом окончила. А в сообщениях – ни единой ошибки. Да и вообще не ее стиль – эсэмэски строчить. Может, тот, кто убил, сообщения с ее телефона и отправлял? Уже после ее смерти?

Но следователь был уверен: никакого загадочного человека не существовало вовсе. Подсудимый сам писал сообщения с телефона Елены, чтобы отвести от себя подозрения.

Да и Маркеловна клялась: посторонних она на своем пути из Грушевки не встретила. Опрошенные жители обоих поселков тоже не заметили никого подозрительного.

А Павел и собственноручное на предварительном следствии подписал, и мотивы у него имелись, и возможность.

Дело передали в суд.

Но Елена Юрьевна продолжала считать: сын не убивал.

* * *

Дима крепко задумался.

Ксюшина версия, будто Павел по всей стране за беременными охотился – полная чушь, конечно.

Но убил ли он Елену?

Судебных ошибок объективно в стране меньше, чем во времена, когда Чикатило орудовал и первого подходящего могли за его творения в тюрьму отправить и даже расстрелять.

Но и сейчас случается: улики серьезные, собственноручное признание подписано, а в тюрьме – невиновный.

Дима сразу вспомнил похожий случай из личного опыта. Давно дело было – семь лет назад. Журналист верил: осудили несправедливо. Много времени убил, в командировки мотался, свидетелей опрашивал, целую папку материалов собрал. Человек, впрочем, так и остался отбывать свой срок.

А в деле Климентьева доказательная база выглядела еще более крепкой, почти непробиваемой.

Но эта грустная женщина настолько не походила на мать убийцы!

Да и по тому, что рассказала, не очень годился фотограф с причудами на роль жестокого истязателя.

Может, взяться? И человеку попробовать помочь, и отвлечься наконец от лосей, щенков, котят и манула Тимофея из московского зоопарка?

Плюс повод будет продолжить разговор с практикантами на примере уже знакомого им дела.

Поэтому Дима осторожно сказал:

– Обещать ничего не могу. Но разобраться попробую.

– Я заплачу! Любые деньги!

– Прекратите, пожалуйста. Вам есть где в Москве остановиться?

– Да... Сестра в Ногинске.

– Ну, езжайте с богом. Документы все оставляйте, ваш номер телефона. С наступающим Новым годом! Пусть он принесет справедливость и счастье.

Елена Юрьевна снова заплакала. Дима хлопотал, подавал воду, гладил успокаивающе по плечу. И виновато думал: «Мы-то с Надькой завтра в Главный театр на «Щелкунчика» идем. А ее сын будет в тюрьме Новый год встречать».

Хотя, может, и за дело. Матери всегда в невиновность детей верят до последнего. А сами подследственные охотно им головы дурят и на жалость бьют, чтоб передачи почаще-побольше.

* * *

Что в Надюшке хорошо: даже если дулась, хозяйственными обязанностями не манкировала. Вот и сегодня (хотя сама тоже после работы) уставшего после трудов праведных Диму ждали и салат, и любимые отбивные. Подружка, румяная от готовки, в коротком халатике тоже выглядела весьма соблазнительно, а когда представлял, как билетам обрадуется, аппетит совсем небывало разыгрывался.

Новость выкладывать не спешил. Смирненно выслушал Надькины стенания, что Новый год завтра, икра в магазинах страшно дорогая, и вообще настроения никакого. Попенял:

– Ворчливой каргой становишься!

– А, надоело все, – отмахнулась она. – Завтра даже курантов не буду ждать, сразу спать лягу.

– И на «Щелкунчика» не пойдешь? – спросил вкрадчиво.

– Ты, что ли, купил?

– Ага. На «Авито». По сто пятьдесят тысяч билет.

– Издеваешься?

– Нет. Все ради тебя, любимая.

– Дима, ты обалдел! Триста тысяч?! В Таиланд можно было слетать!

– Да ну, банально. Новый год под пальмой. То ли дело – Главный театр! «Щелкунчик»!

Подхватил Надюшку, закружил. Подруга, конечно, тяжеловата – только пару кругов осилил. Шепнул:

– На сайте я билеты поймал. По госцене. Самый блатной седьмой ряд.

– Ди-има!

– Как дурак. По приказу твоему больше месяца охотился. Настоящий квест – успел схватить места за доли секунды, иначе бы улетели.

– Ди-има!

Глаза, как и ждал, засверкали.

Благодарный поцелуй – и затащить подругу в кровать.

Но Надюшка неожиданно отстранилась, схватилась за голову.

– Ди-има! Но зачем было брать партер?!

– Уж что было! Но ты не волнуйся. В сравнении с ценами спекулянтов – очень получилось бюджетно.

– Я не хочу туда!

– Почему?!

– В партере один бомонд! Все расфуфыренные будут! А мне совсем нечего надеть!!! Лучше б где-нибудь на ярусе взял!

Ох уж эти женщины. Никогда им не угодишь.

* * *

Забеременеть, когда старшему ребенку только восемь месяцев, надо очень постараться. Но Полина смогла. Хотя врач предупреждала, что надо предохраняться, свекровь заверила:

– Чушь. Пока дела не вернулись, новых детей не будет.

Муж и рад – он средства защиты терпеть не мог, обзывал «противогазами».

Вот и получили.

Полина хотела избавиться, а свекровь, зараза, начала причитать:

– Нельзя, раз бог дал!

Супруг подхватил:

– Да ладно, Поль, ничего. Прокормим.

Легко говорить – беременным-то ходить не ему. Да и *кормил* семью, прямо скажем, довольно скудно.

Но против воли родни Полина идти не осмелилась. Хотя реально непонятно: как она дальше станет справляться? Сейчас тяжело – один ревет, второй в животе пинается. А когда на два голоса начнут завывать?

Молоко, с тех пор как второй младенец обозначился, на вкус стало мерзкое – Полина сама попробовала, убедилась. Маленькому тоже не нравится – плачет, плюется. Но свекруха упрямая смеси покупать не разрешала – ребенку, мол, натуральная пища нужна. А как пить-то его, если горькое?

Однако на открытый бунт Полина не решалась. Грудное украдкой сцеживала, питание на молочной кухне получала бесплатно. В ее комнату свекруха вечно без стука врывается, так что хитрить приходилось на улице. Шла вроде как гулять, уходила с коляской подальше в парк. Готовую смесь ей сердобольная сотрудница выдавала подогретой.

Поля где-нибудь в укромном месте находила скамеечку. Давала малышу бутылочку, а сама украдкой (будто что противозаконное творила!) доставала молокоотсос. Холодно, неудобно, но все равно лучше, чем с мужниной матушкой собачиться.

А так всем хорошо. Свекровь еще и хвалила:

– Молодец, что много гуляешь с маленьким. Он спит потом хорошо.

Еще б не дрыхнуть – не горечь, а вкусенького попил!

Бутылку, в которую свое сцеживала, Полина обычно сразу опорожняла. Но, когда в канун Нового года гуляла, задумалась (в голове вертелись бесконечные варианты салатов), забыла, машинально бросила в коляску. И вспомнила про «улику», только когда из парка выходила. Достала, начала поспешно выливать молоко – а тут вдруг дядечка подваливает. Солидный такой, седой, в пальто благородном клетчатом. Говорит строго:

– Ты что, дочка, творишь?

– Ваше какое дело? – возмутилась Полина.

А тот еще суровее:

– Ты что это выкинула? Неужели грудное молоко?

– Чего вы пристали ко мне?!

– Бесхозяйственно!

– Вас не касается. Отстаньте.

Дед сразу сбавил тон, смотрит жалобно:

– Так я по всей Москве ищу, достать не могу!

Полина развеселилась:

– Зачем вам?!

– Катаракта у меня. Только оно и помогает!

Молодая мать хмыкнула:

– Чушь несете. Катаракту оперировать надо.

– Нельзя мне под нож. Сердце! А капель от этой хвори нет. Но добрые люди подсказали: молоко грудное поможет. Продай, будь человеком! Все равно выбрасываешь, а мне зрение спасет.

Полина задумалась. Дед мутный, конечно, но ей, что ли, жалко? Все равно выливает. Спросила осторожно:

– А сколько платить готовы?

– Десять тысяч.

– За бутылочку?!

Неплохие деньги – особенно, когда Новый год на носу. Купила б подарок себе лично, а то муж со свекровью вечно ей презентовали сковородки и прочие полезные в хозяйстве, но скучнейшие предметы.

А дед смотрит значительно:

– Десять тысяч за сеанс.

– Какой-то такой сеанс? – опешила она.

– Ну, если в бутылке, продукт ценные свойства теряет. Молоко в глаз должно напрямую поступать. Из груди. Только тогда эффект.

Она пошла красными пятнами.

Вот извращенец проклятый!

А дед продолжает сладким голосом:

– Я тебе худого не сделаю. Можешь мужа с собой взять, чтоб охранял.

Полина даже дар речи потеряла на мгновение. А когда снова смогла говорить, заорала:

– Да пошел ты!

Схватила коляску, заторопилась прочь.

Дед не отстал – рядом плетется, причитает:

– Ну, пожалуйста! Спаси! Я... я тебе по пятнадцать тысяч буду платить!

По счастью, впереди подростки идут, галдят. Полина крикнула во весь голос:

– Парни! Сигаретка есть?

Молодняк притормозил, заржал:

– А тебе не вредно, мамашка?

Но полезли, сердобольные, за куревом. Поля вместе с коляской затесалась в их толпу и даже, чтоб из роли не выходить, сделала пару затяжек омерзительным никотином.

Извращенец больше ее не преследовал, но Полине весь вечер даже дома было противно и страшно. И мидии в маринаде (свое фирменное новогоднее блюдо) она на нервной почве жестоко пересолила.

* * *

Тридцать первого декабря Юра Стокусов крепко принял на грудь. Новый год на подходе, а старый-то проводить надо как следует, чтоб не обиделся!

Машка притворялась, будто водки не хочет, но злющими глазюками так и зыркала. Завидовала – оно и понятно. Выпить всякому хочется, да и надоело ей давно с пузом таскаться. Но на то оно и бабье дело: детей вынашивать, мужика обхаживать. Тем более семью он обеспечивает, вчера получку принес и даже тринадцатую зарплату.

Машке, правда, все мало. Москвичка она у него, с фанаберией. На шубу норковую копит, квартиру трехкомнатную в ипотеку мечтает взять: тесно ей в «двушке» втроем, с отцом его парализованным. На все ради денег готова, непорядочная.

Юра только за стол присел – сразу грузить начала. Кран на кухне течет, хлеба в доме ни крошки.

– Так сходила б сама за хлебом! – упрекнул.

– Скользко! – заверещала. – Хочешь, чтоб я маленького потеряла?

– А ночами гулять нормально?

– Когда сухо, можно. А сегодня опасно – гололед!

– Ну, курьера тогда вызывай.

– Тебе, что ли, сложно? Все равно мимо магазина шел!

Как по нему, насчет хлеба в семье должна женщина думать. Даже если беременная. И если гололед. Но спорить не стал. Молча жажнул первую. Горло ожгло, хрустящий огурчик хрустнул, истек соком.

– Не чавкай! – снова придралась Машка.

– Закусь тогда порежь. Если хочешь, чтоб все культурно было, – сказал он миролюбиво.

– Надо дела сначала сделать по хозяйству, а потом водку жрать!

Больше пререкаться не стал. Сгрэб бутыль, стакан, банку с огурцами. Ушел с кухни в залу. Когда, наконец, закончится беременность Машкина, придирки ее бесконечные. Потом, правда, недосыпания начнутся, колики у младенца... Вот почему так нескладно! Еще год назад даже мечтать не мог: свобода, и женщина своя, и деньги какие-никакие. А случилось – и все равно не радостно.

Машка осталась на кухне, гремела остервенело посудой. Никакого ужина не захочется.

Хозяйничать подруга не умела, вечно у нее то масло брызнет, то картошка прижарится настолько, что сковородку выбрасывать. Вот и сейчас: что-то грохнуло, Машка визгливо ругнулась. Отставил со вздохом рюмку, выглянул. На полу – дуршлаг и брызги, подруга в слезах. Мыслимое ли дело – воду с пельменей без приключений слить не может! Да и вообще разве дело: к новогоднему столу покупные пельмени варить?

Молча подошел, поднял утварь, пол вытер. Но ей опять не так. Верещит:

– Тебе лишь бы пол чистый! А что у меня на душе – плевать!

Покорно спросил:

– Что твоей душеньке угодно? Говори.

– Кра-аба хочу. И та-апочки пушистые на Новый год.

Хоть тут угадал.

Достал с верхней полки шкафа коробку, протянул:

– Вот, держи. Дед Мороз уже приходил.

Обожала его Машка всякие волосатые помпончики, кофточки, шапки – чтоб на них обязательно шерсть дыбом стояла.

Скинула крышку, схватила обувку, повеселела:

– Ой, какие миленькие!

– А то, – сказал гордо. – Специально самые волосатые выбирал.

Но начала босой ногой в тапочку тыкать – сразу понурилась:

– Не лезет. Малы. Ты какой размер брал?

– Тридцать восьмой.

– Так у меня сейчас тридцать девятый! Потому что отеки! Я ведь тебе говорила!

Вспомнил смутно: действительно что-то чирикала.

Сказал примирительно:

– Ну, потом, значит, поносишь. Когда отеки пройдут.

– Так я сей-ча-ас хочу!

Тапочку отшвырнула, снова в слезы, лицо злое:

– А краб где?

– Машенька! Краб натуральный – целая тыща за банку. Я сейчас схожу в магазин, крабовых палочек тебе куплю. Самых лучших!

– Нет! Это суррогат! Мне настоящий нужен! Вот вечно ты: даже подарка нормального сделать не можешь!

Честное-благородное, лучше б в пивную пошел. Или где-нибудь на вокзале сообразить на троих со случайными мужиками!

– Машка, Новый год скоро. Можешь хоть праздник не портить?

– Да не нужен мне праздник! – выкрикнула. – И ты не нужен!

Бегом в коридор, рвет дрожащими руками с вешалки шапку, куртку. Надо бы остановить: поздно, действительно скользко, Новый год через несколько часов. Но ведь и он человек. В праздничную ночь добра хочется, уюта. А если не лелеют, не холят, хотя бы не трогайте. Дайте просто посидеть в тишине и спокойно прикончить бутылку.

Потом тысячу раз себя корил. Но кто подумать мог, что в благополучной, прошитой видеокамерами Москве случится такое? И Машку свою вздорную, но любимую и привычную он больше никогда не увидит?

* * *

На новогодний «Щелкунчик» в Главном театре собирается весь бомонд. Это Ксюша знала прекрасно и заранее начала капать главному редактору на мозг, что редакция должна оплатить ей билет.

– Да не вопрос, Кременская. Покупай, чек принеси. Потом бухгалтерия компенсирует.

Ксюша честно отправилась в кассу двадцать второго октября – в день начала продаж. И оказалась у разбитого корыта. Нужно было, видишь ли, накануне с вечера очередь занимать, утром какие-то браслеты получать, вход только по ним, иначе и внутрь не пускают. Попробовала с охранниками договориться – послали. А спекулянты просили втрое больше официальной цены, хотя на дворе только октябрь. И уговаривали: «Бери, в декабре гораздо дороже будет».

Кинула тогда клич по знакомым, на сайтах театральных вывесила объявления – но звонили ей только перекупщики. Или мошенники – предлагали «гостевое приглашение», а по факту – просто красиво распечатанную фальшивку.

Но попасть на «Щелкунчика» все равно надо. Хотя бы для того, чтоб в социальные сети выложить собственную фотографию на фоне раззолоченного партера. Так что пришлось покупать неудобное место в последнем ряду четвертого яруса. Тоже с переплатой, но всего несколько тысяч получилось, а не двести штук, как за бенуар просили.

Не видно, правда, ни черта. Впрочем, Ксюша на сцену и не смотрела. Разглядывала через бинокль понтовый партер, заносила в телефонную записную книжку громкие фамилии. Завидовала: дамы в вечерних платьях, на каблуках, при мужчинах эффектных. А она, как дура, ютится в каком-то курятнике.

Вот откуда, терзала себя, у тусовщицы, ее тезки, Ксюши, полмиллиона на ложу бенуара отдельную? Директорша музея сидит в партере за какие такие заслуги?

А когда увидела Полуянова и его ненавистную спутницу – вообще закипела от ярости. Седьмой ряд, черт возьми! Только официальная цена – двадцать тысяч за штуку, если у спекулянтов – вообще запредельно! И этот хмырь еще смел ее когда-то учить, что журналист должен быть честным? Ладно, зарплата у него в «Молодежных вестях» немаленькая. Но не будет ведь утверждать, что минимум ее треть спустил, чтоб свою глупую, толстую курицу порадовать?!

Подкрутила бинокль на максимальное увеличение, начала разглядывать Митрофанову. Корова сельская, одно слово! Юбочка по колено, на кофте брошечка. Волосы в пучок собрала, ну, просто отстой! А Дима, вместо того чтоб выбрать ее – юную, эффектную, стройную, – этой деревенщине руку на коленку положил. Что-то на ухо шепчет, а Надежда его еще смеет по руке программкой хлопать, мол, мешаешь.

«Вот был бы с собой яд – подойти в буфете и подсыпать!»

Ксюша совсем расстроилась. Да и сладкая парочка на сцене – глупо счастливая девочка Маша и стройный, эффектный принц – раздражали ужасно. Так, что покинула свое неудобное место посреди действия, отправилась в буфет – благо рядом, на том этаже, где и четвертый ярус.

Драконовские цены на шампанское в Главном театре она знала, поэтому пронесла с собой. Давно проверено: в дамских сумочках на входе особо не копаются, литр коньяка не протащишь, а маленькую бутылочку – запросто. Так что подошла с деловым видом к стойке, купила (за двести рублей!) воды, к ней потребовала бокал и тарелку. Перелила контрабандное

шампанское, выложила конфеты (приобрела в супермаркете, чтоб не дать буфетчикам возможность на ней прибыль в тысячу процентов сделать).

Устроилась в самом удобном кресле – чтоб видеть всех, кто входит. Выпила, закусила «грильяжем». Сделала томное селфи с бокалом. Настроила фотокамеру на телефоне: светских дам щелкать.

Народ в буфет потянулся еще до того, как аплодисменты отгремели. Первыми, конечно, старушечки с «социальных» мест, но эти ничего не покупали, только ценам ужасались. Дальше и бомонд стал появляться. Ксюша поймала в кадр министра (почему-то в новогодний вечер с секретаршей). Щелкнула известную гимнастку с молодым, эффектным спутником (официальный возлюбленный, когда увидит фотку в газете, точно разозлится). А потом снова узрела Полуянова с ненавистной Митрофановой. Шикует, подлец, – целую бутылку шампанского оплатил. А курица его щебечет: «Димочка, ну, зачем так много, по бокалу бы хватило!»

Уселись за соседний столик, Ксюшу не заметили. Она сначала собиралась по буфету пройтись, еще кого из селебрити половить, но решила остаться – подслушать, о чем болтают. Когда общались в «Молодежных вестях», всегда старалась, чтобы каждый разговор с Димой превращался в искрометный обмен остроумными шутками, колкостями, интересными фактами. Но сейчас просто уши вяли! Митрофанова ему про новой рецепт оливье заливает, с креветками и красной икрой! Тот слушает, кивает – просто подкаблучник, а не журналист топовый. Еле вклинился в монолог своей клуши, бокал поднял:

– Ну, Надюшка! С наступающим!

Отпила манерно глоточек, порозовела:

– Спасибо тебе, Димочка, за шикарный подарок!

– Ты про балет? – улыбается. – Это только прелюдия. Дома продолжение будет.

– У меня тебе, – смутилась, – тоже два подарка. Один дома. А другой... прости, смешно, наверно, но просто не могу удержаться...

Ксюша обратилась в слух. Митрофанова в сумочку полезла. И достает – журналистка глазам своим не поверила – пластиковую палочку. Тест на беременность! Блин, сериал мексиканский!

Дима смотрит – баран-бараном. Спрашивает:

– Это что?

– Ээ... ну... ты скоро папой будешь.

Побледнел.

«Может, пошлет?» – в надежде замерла Ксюша.

Полуянов секунд десять молчал.

«Ну, заори: «Не от меня!» Или хотя бы: «Что ты наделала!» – умоляла небеса журналистка.

Но он отставил бокал и нежно притянул толстуху к себе:

– Надюха! Ну, ты даешь! Пресловутые две полоски?

– Д-да.

– А ты не ошиблась?

– Наверно, нет. Это четвертый по счету. Ты не сердишься?

– Ох, Надька! Страшно, конечно. Но я очень, очень рад!

И Ксюша почувствовала себя самым несчастным человеком на этой планете. Ну почему одним все, а другим ничего?

* * *

В девять вечера Юра чувствовал себя совсем пьяным, но к одиннадцати слегка протрезвел и, конечно, забеспокоился: где Машка шляется?

Заглянул в комнату к отцу, спросил:

– Тебе Мария не сказала, куда пошла?

Батя насупился:

– Нет. Но ты, Юра, ее зря отпустил. Нельзя, праздник все-таки, да и беременная она.

– Да хоть какая! Сколько можно терпеть капризы!

Захлопнул в раздражении дверь.

Выносить сор из избы, звонить будущей теще не стал. Да и вряд ли подруга поедет к матери – с ней она на ножах. Как, впрочем, и со всем светом.

Приятельниц, у кого можно в новогоднюю ночь скрыться, в Машкином окружении тоже не имелось – со всеми, когда забеременела, рассорилась.

Но куда могла отправиться? Магазины позакрывались, неужели по улицам бродит одна?

Спустит, конечно, на него всех собак, но Машкин номер он набрал. «Абонент недоступен», – холодно откликнулся телефон.

Стал проверять по трекеру, но светящейся точки не появилось. Вообще выключила аппарат, зараза.

Очень в ее духе: себе испортить новогоднюю ночь, а заодно и его проучить.

Все равно надо идти искать.

Чертыхнулся, оделся, вышел в зябкий, влажный, совсем не зимний вечер. На улице почти никого – народ с петардами на воздух сразу после курантов ломанется.

В прошлые их ссоры, когда Машка из дома убегала, он ее в ближайшем магазинчике находил. Продавщица там до чужих страстей любопытная – ей подруга и заливала часами про мужа-тирана.

Но сейчас торговая точка закрыта, на двери объявление: «Тридцать первого декабря до 21.00!!!»

Подруга как раз незадолго до этого времени убежала. Может, торговка и приютила ее? Сидят вместе в тепле, гадости про него говорят.

Машка (среди миллиона прочих упреков) всегда говорила, что «ему вообще пофиг на ее жизнь».

Ошибалась.

Юра, хоть виду не показывал, про подругу многое подмечал. И с продавщицей ближнего магазинчика однажды беседовал. Та жадно пыталась выведать про их ссоры-раздоры, и он на Машку с удовольствием пожаловался. А между делом узнал – торговка приезжая, работает вахтой. Комнату снимает – «да вот здесь, в вашем доме, на первом этаже».

Туда и отправился. Радуйтесь, кобры. Мужик с извинениями пришел.

Дверь открыла сама тетка-сплетница. Уже навеселе. Вылупила глаза:

– Юра! Ты чего хотел?

– Машки у тебя нет?

Удивилась – вроде бы натурально:

– Она не дома разве?

– Да опять капризничает. К тебе не заходила?

– Прибежала! Около девяти. Вся в слезах. Разве так можно с беременной?!

Глядит укоризненно. Оправдываться не стал, потребовал ответа:

– А куда потом пошла?

– Так не знаю. Я б к себе позвала, но у меня – покраснелась, улыбнулась лукаво – гость сегодня.

На коврик грязью стекают кроссовки, на вешалке тюбетейка, в комнате музыка. Не до Машки сердобольной продавщице.

– Ладно, – хмуро сказал, – если появится, сообщи. Где живем, знаешь.

Снова вышел на улицу. Затревожился совсем всерьез. Может, под машину попала? Или плохо стало – в больницу увезли?

Во двор Митрич высунулся, первый на весь дом алкоголик. Увидел Юрия, сразу к нему:

– Догнаться нет?

– Не до выпивки. Машку ищу. Не видел?

– Так она сказала, что уходит от тебя на хрен! – доложил злорадно.

– Куда?

– Не сказала.

– А пошла куда?

– Да я не смотрел. В сторону парка, вроде.

Вот что за идиотка? Вместо того чтоб праздновать, плачет где-нибудь на скамейке. Да из-за чего? Тапочки не того размера подарил?!

Так и встретил Новый год один, под вой ветра, в беготне от аллее к аллее и собственный тревожный крик:

– Ма-ашка!

В час ночи отчаялся. Вернулся домой. Стал больницы обзванивать. В четыре утра пришел в полицию. Пробился сквозь толпу подданных потерпевших, долго уговаривал уставшего дежурного принять заявление или хотя бы меры.

Но капитан отмахнулся:

– Мы только по несовершеннолетним заявления берем. У подружки какой-нибудь твоя жена. Утром явится, не волнуйся.

Можно бы плюнуть. Вернуться домой – и накатить с горя. От души.

Но Юрий вызвал за сумасшедшие деньги такси. Съездил к будущей теще. Убедился, что Марии там нет. Выслушал причитания и укоры.

Растерянный, испуганный, голодный, вернулся домой. В отчаянии достал из тумбочки Машкину записную книжечку (бумажную). Начал по всем телефонам, что там были, названивать. Но номера совсем, видно, старые, и добрая половина абонентов вообще не понимала, о какой Маше речь. А другие – просто его посылали.

* * *

Первого января Дима проснулся от детского плача. В полудреме перепугался: «Мой, что ли, ребенок?»

Открыл глаза. Надюшка сладко посапывает, в квартире тишина. Ну, дела! Суток не прошло, как новость узнал, а кошмары начали сниться.

Вчера под шампанское, Чайковского, в окружении воспитанных, нарядных детишек из партера грядущее отцовство казалось веселым приключением. А сейчас призадумался. На следующий Новый год их младенцу будет, плюс-минус, несколько месяцев. И как они встретят праздник? Под капризы и вопли? А у него-то была мысль: предложить театралке-Надюшке съездить в Питер. Сравнить «Щелкунчиков» в Главном театре и в Мариинке. Красивый план теперь точно откладывается. Интересно, на сколько? Бабушек-дедушек у них нет, няньку на новогоднюю ночь не найти, а на балет детей только с шести лет пускают. Да и вообще: какие театры, поездки? Все деньги будут на ребенка уходить.

Подумал малодушно: «Может, не выносит?»

Сразу устыдился, виновато взглянул на Надюшку. Погладил по волосам. Она, не просыпаясь, схватила его руку, прижала к щеке. Беременность ей, наверно, будет к лицу. Но если сейчас начинает капризничать, что дальше будет? И располнеет еще больше. И главным для нее станет не он – а крикливый и требовательный младенец.

«Классические страхи молодого отца», – усмехнулся про себя.

Сделав усилие, Дима отогнал тревожные мысли и отправился на кухню варить кофе. Прежде они с Надюшкой, по традиции, начинали первый день нового года с бокала шампанского. Но теперь ей нельзя, в одно лицо неинтересно, а на языке наркологов вообще называется алкоголизмом.

Ничего. Отметим праздник икрой. Намазывать бутерброды поленился – откусывал хлеб, черпал рыбы яйца из банки. Хорошо, что Надюха спит, а то б изворчалась. Обычно, когда завтракал один, просматривал новости в телефоне, сравнивал, как об одном и том же событии разные источники пишут. Но сегодня даже минимальной аналитики не хотелось, поэтому тихонько, чтобы не разбудить Митрофанову, включил телевизор.

Поют. Пляшут. «Огонек» двадцатилетней давности. В очередной раз «Ирония судьбы». Снова кино – древний «Морозко». Собрался выключить, да попал на новости.

Москвичи купили фейерверков и петард на многие миллионы рублей... по кольцевой линии метрополитена курсирует праздничный поезд... и даже хроника происшествий с новогодним отливом: пьяный Дед Мороз остановил на улице прохожего и потребовал рассказать стишок. А когда гражданин отказался – дал ему в глаз. Пострадавший госпитализирован с сотрясением мозга, «добрый волшебник» задержан.

«М-да, Новый год в России – сакральный праздник. К нему долго готовятся и еще дольше отходят. Может, все-таки шампанского?» – подумал Дима.

Только что благостно улыбавшийся ведущий стер улыбку с лица:

– Теперь, к сожалению, совсем не праздничная новость. Сегодня утром в Олонецком парке обнаружили тело молодой женщины. Ей нанесли больше двадцати ударов ножом. Погибшей было тридцать два года, она находилась на девятом месяце беременности. Почему оказалась в новогоднюю ночь в парке одна, неизвестно. По подозрению в убийстве, насколько нам известно, пока никто не задержан.

Мертвую женщину, к счастью, не показали – только мрачный, черный мешок и алые пятна крови на снегу.

Дима в предзнаменования и прочую мистику не верил.

Но вчера, когда поздравлял в театре Надю и выслушивал ее ахи, подумал: нехорошо, что как раз накануне ее сногшибательной новости он убийство беременной взялся расследовать.

А сейчас – того хуже: опять смерть будущей матери. Совсем неподалеку от их дома. И снова в деле фигурирует нож.

Дима надеялся, что ведущий расскажет: была ли женщина замужем? Есть ли предположения, кто ее убил?

Но на экране снова запестрели праздничные, чепуховые новости, так что Полуянов в раздражении выключил телевизор. На душе совсем тревожно – хотя уверял себя изо всех сил, что никаких знаков судьбы нет и у них с Надюшкой, конечно, все будет хорошо.

А тут и подруга проснулась. Румяная, сонная, в коротком халатике вышла в кухню. Улыбнулась лукаво. Предложила:

– Давай, может, по плоточку шампанского? Чтобы не нарушать традицию?

– Тебе ведь нельзя!

– Ну... допустим, я пока ни о чем не знаю. Да и официального подтверждения нет.

А он вдруг поймал себя на мысли: вдруг бы беременности действительно не оказалось. Слишком хлопотно. И слишком волнительно.

* * *

Новый год Полину конкретно утомил. «Действующий» сынуля никак не хотел засыпать, тот, что пока в животе, активно пинался. Муж заранее объявил, что ждет, как минимум, четыре разных салата. Свекровь настояла: нужно обязательно испечь пироги. Вот и металась: от рыда-

ющего малыша на кухню, потом в комнату – очередное подать-принести, и снова к плите. Только на десять минут и присела, когда президент поздравлял. В три часа ночи едва на ногах держалась, а на улице петарды взрывают, – сын проснулся, снова начал рыдать. В общем, не чаяла, когда до постели доберется.

А первого января – еще двенадцати не было! – свекровь в их с мужем комнату ворвалась. Всех разбудила – малыш тоже захныкал. Даже обычно безответный супруг возмутился:

– Мам! Обалдела совсем?

Но та на него ноль внимания, на Полину насккивает:

– В Олонецкий парк больше гулять не ходи!

– Боже, ну дайте поспать хоть немного! – простонала молодая женщина.

Теперь сыночка своего за плечо трясет:

– Скажи ей! Чтоб даже не смела!

– Мам, я потом скажу! – Муж попробовал укрыться под подушкой.

Не удалось. Сдернула покров, провещала зловеще:

– Нет. Сейчас ей мозги вправь!

– Да что случилось-то?

– Женщину там убили сегодня! Беременную!

С Полины сон мигом слетел. Сразу перед глазами вчерашний старик – от которого еле удрала.

Никому дома про жуткую встречу она не рассказывала. Но теперь-то что делать?!

* * *

К полудню первого января Николь даже не прикорнула. Какой может быть сон? В заведении полная загрузка, самцы Новый год отмечают. Девочки почти все выдохлись, отправились отдыхать. Но клиенты, заплатившие за праздничную ночь по двойному тарифу, расходиться не спешили. Лакали бесплатное шампанское, неумоимо ципали за мягкие места измотанных официанток.

«На будущий год ограничение по времени поставлю, – сердито думала Николь. – С десяти вечера до шести, скажем, утра. И пусть дальше домой, под бок к женушкам».

В оргайзерах клиентов визит в бордель обычно проходит под кодовым названием «бизнес-ужин». Как, интересно, оправдываются, когда на новогоднюю ночь из дома уходят? Но – судя по количеству мужчин с обручальными кольцами – женщины в байки верят.

Николь, пусть едва держалась на ногах, вечеринкой осталась довольна. Отличная оказалась идея: отойти от привычного регламента в комнатах тет-а-тет.

Авторское ноу-хау. Аукцион Снегурочек под обильную выпивку и хилую, чтоб быстрее захмелели, закуску. Девочкам тоже интересно – у них оплата сдельная. Продавались, быстренько исполняли долг, мылись, красились и снова мчались на «ярмарку».

Но сейчас на подиуме только неумоимая Мадлен осталась. На внучку Деда Мороза она походила слабо – скорее, ближе к бабе-яге, – да и обслужить успела многих присутствующих, поэтому на сцену мужики не смотрели. Кто-то угасал над бутылкой, трое энергично новый бизнес-проект обсуждали (забавно, когда подобные идеи в публичном доме зарождаются).

А пенсионер Георгий попросил хозяйку:

– Николушка! Давай телевизор включим.

Под новогодние поздравления клиенты прямо в общем зале девчонок *жарить* начали. Может, и сейчас некондицию Мадленку кто снова возьмет?

Но не сложилось – в «ящике» повтор старого праздничного «Огонька». Мужики, как увидели, почему-то сразу стали по домам разъезжаться. Ладно. С Мадленки хватит, да и самой давно пора отдохнуть.

Официантки спешно собирали со столов пустые бокалы, усталая «Снегурочка» спустилась с подиума, схватила со стола недопитую бутылку, приложилась к горлышку. Пожаловалась:

– Упарилась. Семь клиентов сегодня.

У Николь (когда сама обслуживала) и по десять бывало, но умять чужие заслуги не стала. Похвалила:

– Молодец.

А Мадлен (как часто в их профессии под утро) впала в печаль. Глянула на экран (там совсем молодой Расторгуев из древнего «Огонька»), вздохнула:

– Эх, какой был красавчик когда-то! Жизнь уходит...

Николь пьяных слез не любила, поэтому спешно переключила канал. А тут того хлеще! Черный мешок с телом на белоснежном снегу. И тревожный голос ведущего:

– Беременная женщина была зверски убита в новогоднюю ночь в Олонецком парке!

– Ештить, это ведь рядом! – перепугалась Мадленка.

– Несчастной нанесли около двадцати ударов ножом, шансов выжить у нее не было.

Официантки отвлекались от уборки, подходили к экрану. Журналист продолжал:

– По предварительному заключению экспертов, смерть наступила незадолго до боя курантов. Не ранее одиннадцати часов вечера.

– Че она дома-то не сидела? – ахнула «Снегурочка».

А у Николь в мозгу сразу ЭВМ: кто из гостей когда появился. И кто (судя по виду) судим.

Мадленка (в бизнесе много лет, клиентуру знает, как облупленную) тоже сразу округлила глаза:

– Может, кто из наших грохнул?!

Голос до шепота понизила, чтоб официантки не подслушали:

– Жорка с виду, конечно, ангелок. Но на беременных он чокнутый, это факт.

Николь и сама знала: с виду благообразный пенсионер Георгий – человек на самом деле с причудами. Девчонки рассказывали: мамочкой называет, грудь вечно сосет. А Гюльджан заставлял, чтобы в койку прямо в платье ложилась, а под него подушку подсовывала. Ну, будто на девятом месяце она.

Но, хоть и убили беременную, на него не подумала. Во-первых, пришел вскоре после девяти вечера и никуда не отлучался. А что фантазии извращенные – так у кого их нет? И если успешно реализует их в сексе – зачем на улицу идти убивать?

Она кое-что другое подозрительное заметила.

Два недавних клиента (молодые, безбашенные в кожанках) появились в заведении как раз вскоре после полуночи. Мадлен сама принимала у них верхнюю одежду и на рукаве одной из курток заметила свежие капли крови. Виду, конечно, не подала. Наоборот, когда клиенты прошли в зал, аккуратно вытерла влажной салфеткой.

И только сейчас вспомнила, что обе куртки на ощупь ей странно холодными показались. Если сразу из машины к ним в подъезд нырять, такого сроду не бывает. Еще промелькнуло: «Неужели пешком пришли?»

Вели себя молодые тоже для новогодней ночи нетипично: в общем веселье не участвовали, хмуро и молча глушили водку. Уединились каждый с единственной девушкой, а в два часа ночи бордель покинули.

Плохо, ох, плохо, что Олонецкий парк от их адреса совсем рядом! Пусть квартира под публичный дом – единственная на этаже, и на звукоизоляцию потратились, соседи все равно недовольны. И видеокамера на входе, как везде в Москве, тоже имеется. Начнут опера делать поквартирный обход – однозначно прицепятся.

«Что ж дома тебе не сиделось, дура!» – зло подумала она об убитой.

* * *

В новогоднее утро Ксюша проснулась в час дня и с дикой мигренью. Не надо было, конечно, после всех коктейлей еще и сет из пяти «Б-52» заказывать. Хорошо хоть до дома добралась. Без сомнительных кобелей. И живая.

В квартире не прибрано, бесприютно, в холодильнике пустота – даже жалкого рассольчика, чтоб поправить здоровье, не имелось. Поискала в аптечке уголь или какой-нибудь фильтр – не нашлось. Пришлось хлебать крепкий кофе, но от него голова только сильнее разболелась.

Обычно Ксюшу вполне устраивала собственная разудалая жизнь – вечеринки, тусовки, знакомства. Но в новогоднее утро хотелось, чтоб разбудил поцелуем не случайный знакомый, а по-настоящему близкий человек. Или хоть кто-то был рядом.

Сразу вспомнился вчерашний «Щелкунчик», тошнотворное воркование Полуянова со своей толстухой. Подумала злобно: «Такой мужик! И ведь ходит за своей дурой, словно собачка комнатная. Наверно, и завтрак в постель подаст!»

Диму (что от себя самой скрывать) на роль возлюбленного, а лучше мужа Ксюша все-раз рассматривала. И когда он ее просто послал, удар по самолюбию получился конкретный. По логике надо бы забыть, из жизни вычеркнуть. Но не получалось. Тем более, не только как женщину унизил – на профессиональном поле тоже пинал конкретно. Совсем недавно в «XXL» пришла новая сотрудница (только после журфака) и на весь редакционный буфет заявила радостно:

– А тебя Полуянов в пример приводит. Как не надо работать!

Оказывается, на практике в «Молодежных вестях» Дима целое занятие посвятил ее текстам про убийство беременной в Брянской области.

Ксюша и сама признавала: версия про маньяка из Борового малость сыrovата. Но зато насколько красиво! Молодой странный фотограф колесит по всей стране, отслеживает и убивает будущих мам!

Но проклятый Полуянов от ее стройной теории камня на камне не оставил. Плюс – та же юная коллега рассказала – по косточкам ее тексты разбирал, вплоть до орфографических ошибок, которые корректоры не заметили.

Ух, до чего она его ненавидела!

Ладно, что толку ядом упиваться, доберется еще до него. А пока как-то отвлечься надо.

Нашла в кухонном шкафчике бутылку с коньяком чуть на доньшке, вылила в кофе. Включила телевизор, защелкала каналами.

И увидела. Черный мешок на снегу. Кровь. Словно сквозь вату прослушала подводку. Залпом хлебнула, закашлялась. Хлопала себя по спине и одновременно танцевала. Бинго! Выкуси, Полуянов! Маньяк-то (которого она придумала) – все-таки существует!

* * *

Когда утром первого января вызвали на работу, полковник Савельев даже не удивился. Сроду не бывало, чтобы в столице Новый год спокойно прошел. В прошлом году проститутка клиента зарезала за то, что не заплатил. И еще на один труп выезжали – двадцатипятилетняя девушка погибла от рук любовника.

В эту ночь – тоже сразу два резонансных убийства.

Чеченец нанес шестнадцать ударов ножом сотруднику автодорожной инспекции – тот фотографировал его авто, припаркованное под знаком «Остановка запрещена». Но здесь все просто: масса свидетелей, преступник задержан¹.

И еще одно зверство. В Олонецком парке погибла беременная женщина.

Личность потерпевшей установили быстро.

Мария Рыжкина. Тридцать два года, находилась на девятом месяце. До декрета работала медсестрой. Сожительствовала с Юрием Стокусовым, ранее судимым по статье сто шестьдесят первой, то есть за грабеж.

Освободился он год назад по УДО. При рассмотрении ходатайства учли в числе прочего, что его единственный родственник – отец – недавно пережил инсульт и нуждался в уходе.

С Марией Стокусов познакомился на автобазе, куда устроился разнорабочим. Потерпевшая трудилась там медсестрой на предрейсовом осмотре и репутацию имела незавидную. Характер вздорный. Попивала, погуливала, в носу колечко, волосы красного цвета, на выбритом затылке татуировка. Но недавнего зэка устроила. Мария переехала к нему, забеременела.

Жили плохо. Соседи жаловались участковому: вечно у них скандалы.

Вот и новогодним вечером поссорились. Мария (нрав всегда был скверный, а как забеременела, совсем пошла вразнос) психанула, из дому вон. Юрий за ней не последовал – стал в одиночку квасить. К одиннадцати вечера наконец заволновался, пошел искать. Из подъезда выдвинулся (камера видеонаблюдения зафиксировала) в 23.04. Сначала отправился в магазин, где Рыжкина любила отираться. Когда увидел, что закрыто, наведалься к продавщице – та снимала комнату в их доме. Сожительницу не нашел. Дальше встретил соседа. Тот сказал: Мария вроде пошла в сторону Олонецкого парка. Туда Юрий и бросился. С его слов, бегал везде, кричал-звал. К часу ночи сдался. Явился в отделение полиции. Пытался заявление оставить (не приняли). К теще несостоявшейся ездил. В больницы названивал и по всем телефонам из записной книжки подруги.

Время смерти экспертиза определила предположительно в промежутке с 23.15 до 00.15. Убили там же, где и нашли тело, – в дальнем уголке парка, у пруда. Сожитель потерпевшей утверждал: туда он не дошел. Криков тоже не слышал.

Эксперты тщательно искали следы посторонней ДНК, но пока что ни волосика, ни ворсинки. Только частицы одежды Стокусова, который вышел из дома в 23.04 и в 23.27 вбежал в парк (что подтверждала камера на входе).

Орудие убийства (предположительно, охотничий нож) обнаружено не было, хотя все возможные места сброса тщательно обыскали.

Утром первого января Юрия задержали. Убеждали написать чистосердечное, но тот упорствовал: Машку не убивал, а что ссорились – так дело житейское. Орал:

– Да, злился на нее. И сдохнуть желал. Но чтобы ножом беременную? Вы за кого меня считаете?

Расписаны они не были, проживала покойная Рыжкина на жилплощади сожителя. Свидетельница (продавщица продуктового магазина) утверждала: Мария, когда ребенок родится, планировала на признание отцовства подать и алименты с Юрия взыскивать. Но тот возмутился:

– Чушь собачья! Зачем ей на меня заявлять? Ребенок мой. Я и сам собирался. И Машку, и малыша содержать.

Опера и следователь считали: дозреет. Признается.

Судимый, пьющий. А мотива нет – будто первый раз подобная публика убивает вообще ни за что! Перепил. Надоела. Взбесила.

¹ Реальное преступление, произошедшее в новогоднюю ночь в 2023 году.

Стокусова закрыли, но следственные действия в других направлениях вести продолжали. Искали возможных свидетелей. Отрабатывали жилой сектор (дома на границе с парком).

Народ, как всегда после громкого убийства, активно сдавал подозрительных курьеров в балаклавах и компании пьяных подростков.

Безусловного внимания заслуживало заявление Полины Прошиной – молодой мамы, ожидающей второго ребенка. Она пришла в полицию днем первого января и рассказала: гуляла тридцатого декабря в Олонецком парке. Там пристал к ней какой-то дед, пел слезную песню: мол, у него катаракта, а излечить хворь можно исключительно грудным молоком. Полина сначала заинтересовалась – чего бы не подработать. Но старик, оказывается, желал, чтобы целебный нектар ему прямо из груди в глаз закапывали. Предлагал приличные деньги – по десять тысяч за сеанс. Поля пришла в ужас, от страшного старика убежала и мужу на него не пожаловалась. Но сейчас, когда на всех телеканалах про убийство, молчать не может.

Савельев велел: охотника за грудным молоком обязательно разыскать. Тем более что время прогулки потерпевшая назвала точно, а на нескольких входах в Олонецкий парк имелись камеры.

Обнаружилось и еще одно перспективное направление.

В съемной квартирке дома рядом с Олонецким парком располагался нелегальный бордель. В новогоднюю ночь хозяйка заведения, дама по имени Николь (по паспорту Наталья Гринина) устраивала вечеринку. Все гости явились, как было назначено – к девяти, кто-то раньше. И только двое молодых, крепких мужчин приехали после полуночи. Вели себя хмуро, в общем веселье не участвовали. Быстро выпили, потешили плоть и отбыли через пару часов.

Николь утверждала: видела она клиентов впервые, имен не знает, паспорта, разумеется, не смотрела. И еще ей показалось, что на рукаве одной из гостевых курток вроде бы кровь. Плюс одежда на ощупь холодная – похоже, не на машине приехали, а шли по морозцу пешком.

Видеокамера, установленная на двери подъезда, ее показания подтвердила: действительно вошли в логово разврата в 0.15. Отбыли – в 2.05. Фотографии визитеров (довольно четкие) у следствия имелись, но в базе данных правоохранителей мужчины не значились. Проследить их маршрут (как до новогодней полуночи, так и после нее) тоже не получилось. Хотя по логике должны были где-то еще «в кадр» попасть – пешком ли, за рулем автомобиля, пассажирами общественного транспорта или такси. Но городская система распознавания лиц еще не успела опутать весь город, да и вообще иногда давала сбои.

Также оперативники искали свидетелей, видевших Марию Рыжину в новогоднюю ночь. Но таковых пока установить не смогли. Одна из видеокамер выхватила, как потерпевшая входит в Олонецкий парк в 21.18. Стокусов пробежал мимо того же объектива в 23.27.

От входа до пруда – минут десять быстрым шагом. А время смерти, вероятнее всего, около полуночи.

Не в пользу Юрия и факт, что он – с его слов – пока бегал по парку, где-то выронил телефон, да так потом и не нашел. Аппарат Рыжиной тоже исчез бесследно. Подозрительно? Безусловно. Они могли договориться встретиться. Именно у пруда. И мобильник Стокусов не предъявляет, потому что боится: сотрудники полиции смогут восстановить даже стертую переписку. Да, вроде бы вскоре после одиннадцати он вышел на поиски (чему есть свидетели). В 23.27 вошел в парк. Но Марию-то убили незадолго или вскоре после полуночи! Юрий запросто мог все спланировать и велеть ей ждать у пруда. Сам убил, а паника, поиски – просто хитрый отвлекающий маневр. Бывшие сидельцы в плане заметания следов весьма изобретательны.

Савельев пока склонялся именно к этой версии.

Но к вечеру первого января к нему на Петровку заявился Полуянов.

Приехал без предупреждения – позвонил только с проходной.

Савельев заказал пропуск, встретил. Кисло спросил:

– Ты меня с Новым годом поздравить пришел?

– Судя по твоему лицу, праздник получился не очень, – хмыкнул журналист. И спросил строгим тоном: – Что у вас по убийству в Олонецком?

– Для твоих «Несерьезных новостей» – ничего. А чего ты вдруг заинтересовался?

– Живу рядом. Нервничаю, – ответил невинным тоном.

– Не переживай. Мы на боевом посту. Все под контролем.

– Небось успели задержать? Какого-нибудь сожителя пьющего?

Савельев внутренне вздрогнул – заявление по убийству пока не делали, хотя пресс-служба горячо настаивала.

А Дима снисходительно сказал:

– Можешь не говорить. Я ваши методы знаю. Всегда один шаблон. Хоть бы раз от него отступили.

И рассказал о деле Павла Климентьева.

Про сентябрьское убийство в Боровом Брянской области Савельев краем уха слышал и сам тот случай с нынешним пока не связывал. Но сейчас Полуянов засыпал его деталями, так что полковнику пришлось признать: определенное сходство, безусловно, имеется.

Погибшие в обоих случаях – беременные женщины на поздних сроках. И одна, и вторая – не слишком благополучные. Первая – из пьющей семьи, другая сожительствовала с бывшим зэком, тоже выпивохой.

Картина убийства практически идентичная – уединенное место, многочисленные ножевые ранения. И подозреваемые очень удобные. У каждого и мотив имеется, и возможности.

– В Боровом даже копать не стали, Павел Климентьев им по всем статьям подошел, – горячился Полуянов. – Очень мне напоминает, как по делу Чикатило или Сергея Ткача работали. Скольких там невиновных закрыли, – с десяток? Кого-то и расстрелять успели. Но сейчас другие времена. И находимся мы в столице! Неужели по очевидному пути пойдете?

– По статистике, женщин чаще всего убивают именно половые партнеры, – спокойно возразил Савельев.

– Но убивают дома, в пылу ссоры. Случись все в квартирах – разве я бы квакал? Но оба убийства без свидетелей. Первое – в лесу, второе – в парке, – парировал журналист, – поэтому четкое ощущение: этих самых лопухастых половых партнеров следствию подставили. Причем очень умело.

– Кто? – спокойно осведомился Савельев.

– Настоящий убийца! Тот, кто знал, кого заподозрят в первую очередь! По Рыжкиной всех деталей не ведаю, а брянское дело внимательно изучил. Там других подозреваемых искать вообще не пытались, сразу все стрелки на Павла. Потому что удобный: не от мира сего. Фотограф. И девчонка неприкрыто бегала за ним. Окольцевать пыталась. Покрепче к себе привязать. Он, естественно, злился. А все соседи заворуженно наблюдали: добьется пигалица своего или нет.

У Савельева начала болеть голова. Спросил устало:

– Что ты от меня хочешь?

– Чтoб вы от шаблонов отошли! Шире смотреть научились! Это ведь не единичные случаи!

– Дима, – мягко сказал полковник, – надеюсь, ты не собираешься в своей газете панику поднимать, будто в России маньяк орудует?

– Я непроверенную информацию не публикую, – отозвался тот с достоинством. – А вот другие могут. У тебя супруга «XXL» случайно не читает?

Савельев усмехнулся:

– Я сам просматриваю. По долгу службы.

– Тогда должен знать Ксюшу Кременскую. Она версию про маньяка, охотника на беременных, давно выдвинула. Еще до сегодняшнего убийства. Съездила в Боровое, пообщалась

с окружением Климентьева и целую серию статей выдала: будто жертва не первая и он давно беременных убивает. Сначала утверждала, что орудует дома, а трупы на участке закапывает. Когда не подтвердилось, стала утверждать, будто во всей стране колесит. Представляешь, какой крик Кременская поднимет сейчас?

– Не хотелось бы, – поспешно сказал Савельев. И спросил вкрадчиво: – А почему так фамиллярно – не Ксения, Ксюша?

– Да потому, что она у меня практиканткой была, – буркнул Дима. И неохотно добавил: – Клинья ко мне подбивала. А когда не получилось – все, стал врагом номер один. Помнишь, осенью в «XXL» статья появилась, что Надька моя в свингер-клуб ходит?² Тоже ее рук дело.

– Решительная девушка. – Полковник усмехнулся и поинтересовался, словно между делом: – А что ты ее к себе в «Молодежные вести» не взял? Ум, как я гляжу, бойкий.

– Зато пишет плохо. Ну, и вообще, – отмахнулся Полуянов, – непорядочная она, как моя мама бы сказала. Жалит только слабых. Видит, что люди защититься не могут, и поливает их грязью на всю страну.

Савельев улыбнулся:

– Дима, ты, кажется, когда-то в медицинский поступать собирался?

– Это сейчас к чему?

– Правильно, что не пошел. Из тебя бы вышел плохой врач. Слишком близко к сердцу все принимаешь.

Полуянов хотел было возмутиться, но осекся на полуслове.

Замолчал. Вздыхнул. Выпалил:

– Надька моя залетела. Очень вовремя.

– Э-э... поздравляю.

– Спасибо. Но меня, как ты понимаешь, теперь вдвойне беспокоит, что беременных убивают.

– Какой у Нади срок? – спросил Савельев.

– Не знаю, но еще маленький, – буркнул Дмитрий. – Только вчера мне тест предъявила.

– Значит, в категорию потенциальных жертв пока не входит, – хладнокровно подытожил полковник. – Живи спокойно. А за сигнал спасибо. Не думаю пока, что здесь серия. Но дело Климентьева запрощу.

* * *

Ксюша, несмотря на похмелье, собиралась взяться за статью немедленно. Снова убийство беременной, да при каких роскошных обстоятельствах! А она поляну про маньяка, который исключительно женщин в положении убивает, еще осенью заняла! Писала, правда, что дело рук Климентьева, но какая разница? Главное – идея! Охотится по всей стране, выслеживает. И жути побольше нагнать, чтоб беременные вообще по домам попрятались, включая беременную сожительницу Полуянова!

Повинуясь порыву, Кременская за компьютер уселась, громкий заголовок напечатала и только потом призадумалась: про погибшую-то ничего пока неизвестно! Только имя в новостях назвали – Мария Рыжкина.

Решила выждать – все равно газета только четвертого января выйдет. Да и голова болела смертельно, а коньяк дома кончился. Сходила за новой бутылкой, поправила здоровье и завалилась спать.

Назавтра в криминальных новостях услышала: по подозрению в убийстве Рыжкиной задержан ее сожитель. Да, теорию, что маньяком является Павел Климентьев, следовало

² Читайте об этом: Анна и Сергей Литвиновы, «Смерть за добрые дела».

срочно перекраивать. Ну, пусть тогда будет: парень из Борового не виноват! И этот мужик, кто Рыжину грохнул, тоже. Но раз убили обеих ночью (одну – в лесу, вторую – в парке), значит, точно маньяк орудует! Не ошиблась она! Во всех детективах серийный убийца всегда выбирает похожих жертв и приблизительно одинаковые декорации. По возрасту, правда, не очень сходилось (первой – семнадцать, второй – тридцать два). Но внешне чем-то похожи (обе оторвы, у одной – шрам на лице, у другой – пирсинг). А главное – беременные! И одна, и вторая на девятом месяце!

Второго января после обеда взялась писать. Но только успела отстучать на компьютере, что «теперь в опасности все беременные страны» – в дверь звонок. Посмотрела в глазок – мужик незнакомый. Выкрикнула:

– Кто там?

Гость хмуро отозвался:

– Полиция.

И приложил к глазочку распахнутое удостоверение.

Перед соседями позориться нельзя – пришлось открывать. Залепетала испуганно:

– В чем дело?

– Просто поговорить, госпожа Кременская. – И добавил со значением: – Пока – просто поговорить.

Полицию Ксюша не жаловала еще с тех пор, как школьницей подворовывала из магазинов (просто по приколу) и попала. Но сейчас-то что? Забавы прошлого давно отставлены, а что с налогами у нее заваруха – так это не полиции дело.

Мужик сочувственно даже говорит:

– Что, девонька, облажалась? Климентьева на тебя в суд подает.

– Это кто? – попыталась придуриваться.

– Да знаешь ты кто. Про сына ее писала. Как он трупы во дворе якобы прятал. И по всей стране беременных убивал.

– У меня в тексте пометка, – начала защищаться Ксюша, – по непроверенным данным!

– Для иска за клевету материала хватит, – заверил гость. И зловеще добавил: – Так что на штраф тысяч в пятьсот ты налетела. Человек, которого ты на всю страну объявила маньяком, сейчас в тюрьме. Новое убийство совершить никак не мог.

– Но... это моя работа – писать о преступлениях. И выдвигать различные версии.

– Никто не запрещает. Как я понимаю, про Рыжину тоже будешь клепать. Вперед, с песней! Любые идеи выдвигай. Единственное «но»: народ запугивать не надо. Приплетешь «маньяка» – пожалеешь. Поняла?

– Да кто вы такой?

– Ксюша, – сказал гость ласково, – в «XXL»-то про твою судимость знают – за кражи из магазинов?

Она побледнела.

– А почему тебя в «Молодежные вести» не взяли, на работе рассказывала?

– Я сама туда не пошла.

– Но интересная, однако, закономерность. Пока на практике в газете была – у сотрудников деньги из сумок пропадали. Как покинула «Молодежные вести» – ни одного прецедента.

– Да вы! Вы сами клевете!

– Деточка, не надо громких слов. Я просто предупреждаю. Пока по-хорошему. Про маньяка в своей газетке – больше ни слова. А то ведь можем и наркотики у тебя найти. Хорошо меня поняла?

И Ксюша испуганно закивала.

* * *

Когда Надя узнала про «новогоднее» убийство, горько расплакалась. Жалела, впрочем, не столько женщину. Всклипывала:

– Почему такая несправедливость? Ее малыш в этом году родиться должен был, мир увидеть! Но вместо этого – мертвый...

А как по телевизору объявили, что в гибели женщины, вероятно, повинен ее сожитель, сказала злобно:

– Сама бы ему глаза выцарапала! Нет, лучше печень вырвала!

Дима нетипичным для Нади жестоким словам поразился, но ничего не сказал. И спорить не стал – пусть лучше думает, что виноват близкий Рыжкиной человек.

Сам он очень надеялся, что Савельев воспринял его предостережение всерьез, и верещать про маньяка, запугивать таких, как Надя, Ксюше Кременской не позволят.

...Праздники прошли скомкано. Митрофанова то безудержно весела, то смотрит по телику сентиментальную глупость, и сразу слезы на глазах. Кучу денег спустила на тесты, по несколько раз в день делала, докладывала:

– Вторая полоска все ярче!

Дима браво отвечал:

– Ну, прекрасно!

Хотя с каждым днем перспективы представлялись все менее радужными. Хлопот прибавится несомненно. Да и Надька как-то очень быстро обращалась из заботливой подруги в царственную особу. Никакого тебе больше кофе в спальню: сама валялась, просила, чтобы чаю принес. Сапжок подставляла: молнию ей, видите ли, сложно расстегнуть. Мучила его разговорами, что гостевую комнату надо будет переделать в детскую, а ей теперь обои клеить нельзя – беременным руки поднимать нежелательно.

Митрофанова прежде посмеивалась над котиками и прочим няшным, но нынче вдруг обратилась в преданную почитательницу его «Несерьезных новостей». А самому Диме рубрика, наоборот, поперек горла. Даже подумать страшно, что праздники кончатся и опять придется писать бесконечные милые истории.

Он снова и снова (втайне, конечно, от Надьки) перечитывал материалы по делу Павла Климентьева. Мониторил, как продвигается расследование убийства Рыжкиной. Вытащил из архива собственный (еще семилетней давности) текст по похожему делу.

Насколько легко получалось быть отстраненным тогда – и как сложно теперь, когда его любимая женщина тоже ждет ребенка!

Никак не мог отделаться от мысли о нехорошем предзнаменовании.

Но в расследование влезть чертовски хотелось.

Дима создал в компьютере новую папку, защитил от случайного Надюшкиного взгляда паролем и начал набрасывать план действий.

* * *

Демьян Степанович по Машке скучал. Вроде чепуховая девка, склочная, и с Юрой плохо жили, но к нему нормально относилась. Хотя старику-инсультнику ничего хорошего от жизни ждать не приходится. Сколько случаев, когда невестки инвалидов гнобят, в дома престарелых спихивают.

А у них наоборот. Юра, сын родной, не обижал, но и только. «Привет, батя. Фу, сколько насрал. Хавать будешь?» Никогда не спросит: «Как настроение у тебя?» О том, что у отца пара-

лизованного есть иные потребности, кроме базовых, даже в голову не приходило. Телевизор в комнату поставил, сетку от комаров на окно приспособил – вот и вся забота.

А Машка ему – и мазь от пролежней дорогушую. И вентилятор, когда Москву жара накрыла. И даже специальные очки-наушники заказала в Китае. Только она и подумала: в ящик круглыми днями паяться – совсем с ума спятить, а читать тоже тяжело. Притащила подарок, улыбается, щебечет: «Вот, дядь Демьян, держи. Сможешь и дремать, и всякий ютуб слушать или музончик».

– Что ты возишься со мной? – прослезился тогда старик.

Она простодушно ответила:

– Да потому, что вы на Юрку похожи! Только умнее и водки не пьете!

Сын у Демьяна Степановича – чего перед собой лукавить – получился не слишком удачный. Воспитывал вроде как положено, но все равно парень лет с пятнадцати дурить начал. Попивал, дрался, мотоциклы угонял, мелочовку из магазинов таскал, в полиции на учете. А в восемнадцать присел за грабеж.

Больше всего отец опасался: пропитается тюремной романтикой и окончательно по наклонной покатится. Но Юра вышел с настроением правильным: «Баста. Больше никакого криминала. И так тебя, батя, до инсульта довел». Устроился на автобазу разнорабочим, вечерами грузчиком калымил. Денег в обрез, но Демьян Степанович не уставал повторять: «Заработанный ломоть лучше краденого каравая».

Юра вроде сам теперь понимал: не стоят шальные деньги многих лет за решеткой. Но от размеренной жизни скучал – слишком неугомонный характер. Вот и начал попивать, чтоб тоску развеять. Да не так, как в юности: когда налакался, а на утро на спиртное смотреть тошно. Нет, теперь Юра употреблял вдумчиво, подолгу. Неделями. Настоящие запои – и капельницы ставить приходилось, и учет в наркологии маячил. Ни Машка, ни даже ее беременность от дурной привычки сына не избавили.

Она и сама заглянуть в бутылку любила. Когда переехала к ним, вместе пьянствовали. Но едва забеременела, молодчинка, с водкой завязала. Строго. Юра один продолжал квасить. И очень часто бывало: сын в кухне над бутылкой угасает, а Машка в комнате у будущего свекра сидит. Вместе в телевизор глядели или искали в Интернете всякие упражнения, чтоб хоть немного ему подвижность вернуть.

Сын insult у отца воспринял как приговор: все, мол, батя, теперь до конца жизни инвалид. А Машка – нет, та другая. Постоянно примеры выискивала, как совсем безнадежные – и встают, и вообще к полноценной жизни возвращаются. Причем не только байками тешила. Всякие средства, и официальные, и народные, ему таскала, предлагала опробовать. Демьян Степанович честно принимал как заграничные лекарства, так и настойку из меда с алоэ.

Подвижность, правда, пока не возвращалась, но Машка уверенно говорила:

– Все будет, дядь Демьян. Потерпи.

Старик удивлялся: с Юрой почти всегда общалась визгливо, недовольно, а с ним – даже тон другой.

Когда Машу убили, Демьян Степанович чуть сам богу душу не отдал. Каждый день «Скорая» приезжала. В том, что не сын душегубство устроил, даже не сомневался. Характер у Юры, конечно, взрывной, но беременную убивать – так он его не воспитывал. Да и видел: сын места себе не находит, весь Новый год бегал по парку, к теще несостоявшейся гонял, заявление пытался подать. Менты потом сказали: следы заметал. Чушь собачья! Он-то видел Юрочкино потерянное лицо, когда тот безнадежно пролистывал Машкину телефонную книжку, звонил по всем номерам.

Но когда-то сам пугал сына пословицей: «В котором судне деготь побывает, из того запах не выведешь». Вот и у полиции правило: «Раз судим – значит, всегда преступник». Плюс соседи

подлые подкузьмили. Радостно докладывали: «Жили плохо! Ругались! И прибить он ее грозился!»

Прямо первого января в квартире сделали обыск, Юру увезли на допрос. И больше он не вернулся.

К Демьяну Степановичу явилась комиссия – осматривали жилищные условия, уговаривали в дом престарелых съехать. Старик решительно отказался. Тогда назначили от собеса мерзкую тетку (приходила раз в день, с брезгливым лицом меняла судно, приносила продукты). Однажды позвонил Юрин адвокат (тоже государственный). Заверял: они борются, сына скоро отпустят. Но говорил неуверенно, блеял, мекал, и Демьян Степанович понял: дела плохи.

Попросил, впрочем, сыну передать, что верит в его невиновность. Ну, и личную просьбу: чтоб в богадельню не сдавали.

Юра вытребовал себе телефонный звонок, пообещал: сделает все, что сможет. Хотя какие у него там возможности, в тюрьме-то? Вот Машка – та бы точно что-нибудь придумала.

* * *

Старика-извращенца, пристававшего к молодой матери Полине Порошиной, вычислили к вечеру третьего января.

Оказался им Георгий Швырев. Проживал неподалеку от Олонецкого парка.

Персонаж оказался прелюбопытный. Шестьдесят семь лет, пенсионер. Успешный риелтор. В бизнесе с начала лихих девяностых, когда жилье можно было за несколько тысяч долларов купить. Георгий активно крутился, расселял коммуналки, выкупал доли, заключал договоры аренды, что-то перепродавал, и сейчас числился владельцем пяти московских квартир. Четыре из них сдавал, только по официальным договорам, получалось двести тысяч в месяц, а по факту, вероятно, не меньше трехсот.

Капиталы тратил своеобразно – минимум три раза в неделю наведывался в бордель Натальи Грининой. Тот самый, что на окраине Олонецкого парка.

Провел там и новогоднюю ночь. Как свидетельствовала камера на подъезде дома, явился в девять вечера, а покинул заведение поздним утром, спустя почти четырнадцать часов.

Николь и подчиненные ей девочки дружно подтвердили: никуда не выходил. Смотрел вместе со всеми праздничную программу, стриптиз. На три часа уединялся со своей любимцей Гюльджан, потом снова вернулся в «общество».

Но при этом к молодой матери с непристойными предложениями приставал.

В бордель явились с новыми распросами.

Николь пожала плечами:

– Ну, да. Жорик с причудами. У всех стариков нормально не встает, только с вывертами.

И поведала: насчет катаракты и поисков грудного молока она не в курсе, но вообще Швырев ролевые игры обожал. Заставлял девочек то строгими мамочками притворяться, то беременными.

К Швыреву наведались. Пожилой мужчина отпираться не стал. Предъявил справку из медучреждения (действительно запущенная катаракта), а также распечатку из Интернета (с неофициального, конечно, ресурса), что грудное молоко может облегчить болезнь. Утверждал (что согласовывалось с показаниями потерпевшей): предлагал культурно, за руки не хватал, никакого насилия.

Пусть метод лечения выглядел странно, сам Швырев производил впечатление человека разумного, адекватного. По личной инициативе предъявил справку: на учете в психдиспансере не состоит. Уверял: «Я бы ничего плохого ей не сделал! И заплатил бы честно».

По поводу борделя тоже не отрицал:

– Да, бываю. А что такого?

И целой речью разразился: для клиентов публичных домов законодательно никакой ответственности, ни административной, ни тем более уголовной, не предусмотрено. И вообще, проституцию надо узаконить, такие попытки давно предпринимаются, если «граждане начальники» не в курсе. Идею и певец Кобзон поддерживал, а в Тольятти ночная бабочка вообще в городскую думу выдвигалась и своей профессии не скрывала.

Прижимал руку к сердцу, говорил с пафосом:

– Да. Вкусы в сексе у меня не совсем обычные. Но, к счастью, могу себе позволить нанять девочку и все свои фантазии реализовать, не нанося никому ущерба. А у других такой возможности нет. Вот и выходят на улицу – беременных убивать.

Поймали на слове, стали спрашивать:

– А вам хотелось когда-нибудь убить беременную?

Юридически подкованный Швырев отрезал:

– Вы не психиатры, чтобы такие вопросы задавать. А принудительно мне психиатрическую экспертизу назначать нет никаких оснований. Но, так и быть, скажу. Для меня женщина, мать – богиня, идол. Даже мысли никогда не было поднять на нее руку.

Наталья Гринина тоже подтверждала: в отличие от иных клиентов Швырев с девочками всегда был добр, ласков. Скорее, сам предпочитал – чтоб строгая мама его по попе отхлестала.

Пришлось уйти ни с чем. Состав преступления в действиях гражданина действительно не имелось.

* * *

Довольно быстро нашли и двух молодых, быковатых – тех, что явились в бордель вскоре после полуночи и встревожили его хозяйку. Оказалось – братья. Проживают в том же районе, в паре кварталов.

Наталья Гринина их за криминальный элемент приняла, но парни по жизни оказались спортсмены. По карате черные пояса, участвуют в боях без правил. Оба не женаты. Живут вместе с родителями.

В новогодний вечер в семье случилась беда. Любимая собака породы корги (брали крошечным щенком, когда дети еще в школе учились) испугалась петарды, сорвалась с поводка и попала под машину. Насмерть.

Крутые с виду парни рыдали, как малыши. Праздновать Новый год отказались. Взяли мертвого пса, отправились хоронить. А по завершении скорбной миссии пришли в бордель – снимать стресс.

Ту самую куртку забрали на экспертизу – кровь действительно принадлежала собаке. Место, где закопали любимца, спортсмены тоже показали – на окраине Олонецкого парка, но совсем не в той стороне, где случилось убийство. И конечно, оба никого не видели, ничего не слышали.

Так что обе перспективные поначалу версии оказались пустышками.

Юрий Стокусов, правда, тоже категорически отказывался признаваться в убийстве.

Но что-то, несомненно, скрывал. На вопросы о своих действиях и передвижениях в новогоднюю ночь отвечал уверенно, лихо. А вот когда спросили: «Где телефон свой потерял, как думаешь?» – ошутимо занервничал. И про отношения с погибшей отвечал неохотно:

– Почему ссорились? Ты ее ревновал?

– Да куда она денется с пузом!

– А что тогда?

– Ну... денег вечно требовала. Придиралась.

– Беременные все капризные. Мог бы и потерпеть. А соседи показывают: ты ее предательницей называл. Ничтожеством. Почему?

- Да просто так. С языка сорвалось.
- А почему кричал однажды: «Одному ребенку жизнь даешь, а других убиваешь»?
- Не говорил я такого!
- Соседи подтверждают.
- Послышалось им, – бурчит.

Но по всему его виду ясно: неладно у них было с Рыжкиной. И дело тут не в капризах беременной и не в бытовых разногласиях.

Установить поточнее мотив – и дело в шляпе.

* * *

Тестов Надя извела немыслимое количество. Две полосочки на них с каждым днем становились все ярче. Прочие признаки беременности тоже присутствовали включая одышку, которой положено начинаться совсем перед родами.

Митрофанова с удовольствием вживалась в новое состояние. Полуянов – широкая душа! – предлагал немедленно искать частную клинику и заключать контракт на ведение беременности. Однако экономная Надя решила прежде проверить, что бесплатная медицина предлагает. И на первый рабочий день после бесконечных праздников записалась в женскую консультацию.

Коридорчик тесный, в нем – семь беременных (две дамы – ну очень сильно). Нянечка возит по полу шваброй, ворчит на женщин, чтоб ноги свои подобрали, очередь «опаздывает» минут на сорок.

– А тут никогда в свое время не получается? – спросила Надя.

– Ага, – хмыкнула совсем юная животастая красотка. – Вечно у них то планерка, то кого-то в больницу оформляют по часу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.